

И высказывание «Я лгу», и высказывание «Я виновен» противоречат сами себе, и ни одному из них нельзя приписать логическое значение истинности или ложности — эти высказывания внелогичны. (Напротив, высказывания «Я говорю правду» или «Я невиновен» вполне логичны — им можно приписать логическое значение.) Именно в силу того, что высказывание «Я виновен» некорректно, логически выверенное правосудие не принимает самообвинения, оно строит такую правовую систему, в которой работает высказывание «Он виновен» или «Он невиновен», и следит за тем, чтобы тот, кто выносит приговор, не был замешан в деле, которое он призван судить. Но откуда же тогда возникает у человека чувство собственной вины и угрызения совести? Почему он классифицирует некоторые свои действия как запрещенные?

Во-первых, это необязательно. Смердяков, например, выстраивает схему, в которой чувство собственной вины невозможно. Его «контроверза» состоит в том, что человек может не сохранять во времени собственную идентичность. Тот, кто отрекся от Христа, уже не может быть осужден как отступник, поскольку вышел из области «юрисдикции» христианства. Смердяков совершенно последователен — в его логической системе утверждение «Я виновен» не может возникнуть.

Во-вторых, суждение «Я виновен» возникает всегда постфактум. «Я вчера (или секунду назад) совершил поступок, который сейчас классифицирую как запрещенный». Но, в отличие от логики Смердякова, если я сохраняю свою идентичность, я по-прежнему несу ответственность за себя в прошлом. Это смещение во времени дает человеку сегодняшнему осудить себя вчерашнего. Но человек уже ничего не может поправить — запретить совершенное действие он не в силах. Сегодняшний и вчерашний — это как бы два разных человека по отношению к модальности «позволения». И только в этом случае могут возникнуть угрызения совести и раскаяние. Логика не помогла Смердякову. Муки совести оказались объективной реальностью, реальностью настолько страшной, что Смердяков их не выдержал. Чтобы жить в таком разорванном внутри себя мире, нужно быть великим инквизитором. Это настолько тяжело, что для Смердякова оказалось непереносимо.

Старец Зосима предлагает фактически рассматривать не временной сдвиг, когда один и тот же человек меняется и меняются его модальности «позволения» и «запрещения», а как бы пространственное расширение. Если другой совершает поступок, который я считаю запрещенным, я не всегда могу ему помешать — запретить действие. Но только в том случае, когда я чувствую свою вину за поступок, совершенный другим, я получаю право судить, потому что судить я буду его и себя судом совести. И только такой суд допустим. «Как ни безумно на вид, но правда сие».

Внешний суд — суд закона — при всей его объективности и корректности очень часто приводит к судебной ошибке. Адвокат Мити Фетюкович в своей речи очень логичен. Более того, он совершенно прав, когда говорит, что Митю осуждают как бы по совокупности улик. Конечно, Митю застали убегающим с места преступления; кровь на платке и сюртуке; деньги — эти неизбежные три тысячи, которыми Митя размахивает перед огромным количеством свидетелей; публичные обещания убить отца, в том числе письменное заверение, отправленное накануне Катерине Ивановне; орудие преступления — пестик, брошенный на дорожку; открытое окно в доме отца и открытая дверь (как утверждает Григорий). Неужели этого мало? Фетюкович говорит: мало.

Одна из аксиом деонтической логики — это дистрибутивность запрещения: $F(p \vee q) = F(p) \& F(q)$, F — оператор запрещения; p и q — элементарные действия, \vee — логическое (объединительное) «или», $\&$ — логическое «и». То есть если мы классифицируем некоторое действие как запрещенное, а оно в свою очередь является логическим объединением некоторых элементарных действий (например, улик), то мы должны показать, что каждое элементарное действие также является запрещенным (естественно, внутри выбранного нами контекста). Фетюкович показывает, что ни одно из элементарных дей-